

П.А. Афанасьев*

P.A. Afanasiev*

**Старожилы, переселенцы
и Кабинет его императорского
величества: треугольник
противоречий на Алтае в 1910-е гг.****

**Old Dwellers, Migrants and the
Emperor's Cabinet: a Triangle of
Contradictions at Altai in the 1910s**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-6-9

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-6-9

УДК 94(470)571.1

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Афанасьев П.А. Старожилы, переселенцы и Кабинет его императорского величества: треугольник противоречий на Алтае в 1910-е гг. // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 106–120. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-09.pdf>

Afanasiev P.A. Old Dwellers, Migrants and the Emperor's Cabinet: a Triangle of Contradictions at Altai in the 1910s // Historical Courier, 2019, No 6 (8). P. 106–120. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-09.pdf>

Abstract. The article analyses the main contradictions in the sphere of land use in the Altai district in the 1910s. Their main participants were the Emperor's Cabinet, old resident peasants and migrants who settled in the old-residents' villages. Analyzing several conflict cases the author identifies three main types of contradictions between land use participants in the region. The first type involved administrative contradictions between the Cabinet and other state agencies on the issue of granting cabinet's land. Its striking manifestation was the struggle between the Cabinet and the Resettlement department over the use of the Cabinet's land for settling peasant migrants. The second type of contradictions formally concerned boundary correction but in fact it was a fight for land of different parties. This can be seen in disputes between the old residents and the Cabinet officials for the size of the land plot, the size and quality of the cut-off parts, as well as opportunities of the migrants to get a plot in the old resident villages. The third type of contradictions involved the confrontation of different groups within one rural society. One of its specific manifestations in the Altai district was the old residents' refuse to adopt the former unregistered migrants after the boundary correction was accomplished. The Cabinet's representatives and the old residents were the most active participants of the conflicts. The rights of unregistered migrants would be in case of conflict defended by the regional administration.

The most striking cases of land conflicts were settled down by 1913, nevertheless there remained the basis for them – the rigid land policy of the Cabinet and tough norms of land supply for peasants in Altai.

Keywords: Emperor's Cabinet; Altai district; Resettlement management; old residents; unregistered migrants; land management; land relations.

The article has been received by the editor on 24.11.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена анализу основных противоречий в сфере землепользования, сложившихся в Алтайском округе в 1910-е гг. Их главными участниками выступали Кабинет его императорского величества, крестьяне-старожилы и переселенцы, селившиеся в старожильческих селениях. На материалах отдельных конфликтных ситуаций автор выделяет три основных типа противоречий между участниками землепользования в регионе.

* **Афанасьев Павел Алексеевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия), e-mail: pavel_afanasev@mail.ru
Afanasiev Pavel A., Candidate of Historical Sciences, associate professor, Altai state pedagogical university (Barnaul, Russia), e-mail: pavel_afanasev@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 18-09-00439.

Первый тип включал административные противоречия между Кабинетом и иными ведомствами по вопросу предоставления кабинетских земель. Его ярким проявлением стала борьба Кабинета и Переселенческого управления по поводу предоставления кабинетских земель под переселения. Второй тип противоречий, формально выстраивавшихся вокруг процесса землеустройства, заключался в борьбе сторон за землю. Он проявился в спорах старожилов с чинами Кабинета за размер надела, величину и качество отрезков, а также возможности переселенцев получить надел в старожильческих селениях. Третий тип противоречий включал противостояние разных групп населения в рамках одного сельского общества. Одно из специфических его проявлений в Алтайском округе было вызвано нежеланием старожилов предоставлять наделы бывшим непричисленным переселенцам по результатам землеустройства. Наиболее активными участниками конфликтов в поземельных отношениях выступали представители Кабинета и старожилы. Права непричисленных переселенцев в рассмотренных конфликтных ситуациях отстаивали губернские власти. Хотя к 1913 г. внешние проявления конфликтов в поземельных отношениях в Алтайском округе были сглажены, но их основа – жесткая земельная политика Кабинета и нормы землеустроительного закона для Алтая – осталась неизменной.

Ключевые слова: Кабинет его императорского величества; Алтайский округ; Переселенческое управление; старожилы; непричисленные переселенцы; землеустройство; поземельные отношения.

С 1890-х гг. земельная политика в Алтайском округе для Кабинета его императорского величества (далее – Кабинет) стала одним из основных направлений региональной деятельности. Усиливавшийся приток переселенцев неизбежно ставил проблему разграничения кабинетского и крестьянского землевладения, а также вытекавшую из нее задачу организации аренды кабинетских земель населением как системного явления. Ключевым мероприятием для Кабинета стала землеустроительная реформа, начавшаяся на Алтае в 1899 г. и призванная окончательно решить вопрос крестьянского землепользования. Однако на планы размеренной реализации землеустройства существенно повлияли события первой русской революции, отразившиеся и на Алтайском округе. В сентябре 1906 г. остающиеся после землеустройства земли Кабинета разрешались к передаче Переселенческому управлению для организации переселенческих участков. Это решение в последующие три года вызвало лавину переселенцев на Алтай. Одновременно изменилось финансовое положение Кабинета в рамках государственного бюджета, что заставило новое руководство ведомства с 1908 г. ужесточить принятый курс земельно-лесной политики в регионе, направив его на защиту своих ведомственных интересов. К 1910 г. эта линия не только полностью закрепились внутриведомственными распоряжениями, но и стала очевидной для населения Алтая и ответственности, вызвав резкую критику кабинетского ведомства в периодической печати и с трибуны Государственной думы. Крестьянское население округа также отреагировало повышением социально-протестной активности, воплотившейся в законных действиях (например, обжалование результатов землеустройства в Сенате) и различных выступлениях. Неслучайно в первые годы второго десятилетия XX в. округ по оценкам историков вышел на первое место в Сибири по количеству крестьянских выступлений, не уступая накалу борьбы в Европейской России¹.

Анализ земельных отношений в Алтайском округе в 1910-е гг. привлекал внимание уже современников событий. Официальные оценки, данные кабинетскими чиновниками в предреволюционных ведомственных изданиях, ограничивались констатацией количественных результатов земельной политики, подчеркивая несомненную важность выделения крестьянских наделов. Антикабинетские настроения журнальной и газетной периодики

¹ Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири. 1907–1914 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1986. С. 206.

1910-х гг. доказывали защиту Кабинетом собственных «частно-хозяйственных интересов»², сопровождавшуюся ущербом интересам крестьянского населения. Данная позиция полностью утвердилась в советской историографии, достаточно активно разрабатывавшей тематику кабинетского землевладения с позиции его отрицательных последствий в сфере земельных отношений для крестьян и переселенцев (Е.И. Соловьева, Л.Ф. Скляров, Г.П. Жидков). Самостоятельной темой являлось изучение крестьянского движения на Алтае и его наиболее резонансных проявлений, связанных с борьбой населения Алтая против результатов землеустройства (А.А. Храмов)³. Утверждение в последние десятилетия «кабинетоцентристского» подхода в исследованиях хозяйственной политики Алтайского округа привело к сосредоточению исследовательского интереса только на собственных региональных хозяйственных интересах Кабинета, их целенаправленной реализации и эволюции в обеспечении финансовой независимости коронного ведомства⁴. Однако такой подход оставляет без внимания окружающую обстановку этой деятельности, в том числе конфликтную реакцию населения. Лишь отдельные публикации посвящены межведомственным противоречиям в земельной сфере, вызванным жесткой позицией Кабинета⁵. При этом объяснение совокупности перечисленных выше обстоятельств исследователи давали в рамках изучения кабинетского хозяйства начала XX века или в пределах реакции населения на землеустройство. Подобный обобщенный подход оставляет в стороне не только некоторых участников поземельных отношений (губернские власти, переселенцы), но и совершенно не уделяет внимания отдельным «случаям», воплощавшим всю сложность и разнообразие этих отношений. Поэтому в настоящей статье предпринимается попытка на примерах отдельных конфликтов раскрыть наиболее острые противоречия, охватывавшие всех участников поземельных отношений в Алтайском округе в наиболее острый период и выделить специфику целей и участия каждой из сторон возникавших противоречий.

Ужесточение линии хозяйственной политики Кабинета в Алтайском округе, происходившее в 1908–1910 гг. и направленное на максимальную защиту собственных земельных интересов, поначалу не вызвало заметного противодействия населения даже в условиях массового притока в регион переселенцев и предоставления им свыше 2 млн дес. земли. Первый крупный конфликт, связанный со стремлением управления округа сохранить от передачи в колониационный фонд большие массивы земель с апелляцией к хозяйственным нуждам Кабинета, произошел в марте 1910 г. Руководство округа отказало в передаче Переселенческому управлению ранее обследованных и намеченных к передаче участков. Однако конфликт двух ведомств не вышел за рамки делопроизводственной переписки, и Кабинет по итогам бюрократической борьбы с небольшими уступками отстоял свою позицию, сохранив за собой основной массив предполагавшихся к передаче земель⁶. Последовавший вскоре приход к руководству округом В.П. Михайлова значительно активизировал деятельность ведомства по максимальному сохранению земельных владений и отстаиванию хозяйственных интересов Кабинета на Алтае.

Очень быстро на перемены в земельной политике Кабинета отреагировала периодическая печать, уже в июле 1910 г. поместившая ряд аналитических публикаций о начале «нового курса». «Алтайская газета» и изложившая ее материал «Сибирская жизнь» достаточно резко писали: «Местные агенты Кабинета должны, подобно служащим любой фирмы, любого частного имени, насколько возможно отстаивать интересы своих хозяев». Предрекая неиз-

² Отклики сибирской печати (о новом курсе Кабинета) // Сибирская жизнь. 1910. 7 июля.

³ Храмов А.А. Обсуждение в правительстве царской России землеустроительной политики в Алтайском округе в 1911–1913 гг. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 157–180.

⁴ Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2012. с. 198–252.

⁵ Афанасьев П.А., Пожарская К.А. Формирование колониационного фонда Алтайского округа как фактор изменения земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в регионе // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века. Барнаул, 2009. С. 79–86.

⁶ Афанасьев П.А., Пожарская К.А. Формирование колониационного фонда Алтайского округа ... С. 80.

бежность возникновения трений между Кабинетом, казной и крестьянами, газета призывала местное переселенческое управление и губернское правление «занять по отношению к Кабинету такую же позицию изготовки к борьбе, какую этот занял по отношению к названным чинам и ведомствам»⁷.

Однако руководство округа во главе с В.П. Михайловым ставило одной из своих задач максимально возможное ограничение передачи оставшихся земель округа в колонизационный фонд. Главное требование начальника округа с середины 1910 г. сводилось к приостановке указа 1906 г. о предоставлении земель Алтая под переселения. Об этом он лично заявил заведующему земельно-заводским отделом Кабинета А.П. Половцову во время его посещения округа в июле–августе 1910 г.⁸ С санкции управляющего Кабинетом Е.Н. Волкова свои доводы начальник округа представил П.А. Столыпину и А.В. Кривошеину в ходе их посещения Алтая в августе 1910 г. в рамках поездки по Сибири⁹. Аргументация В.П. Михайлова сводилась к тому, что указ 1906 г. был «мало обдуман и проведен весьма спешно», поэтому его действие является причиной острого кризиса в хозяйстве округа. По его словам, округ «должен был в ужасе смотреть на полный разгром кабинетских земель, допущенный свыше под влиянием исторических событий

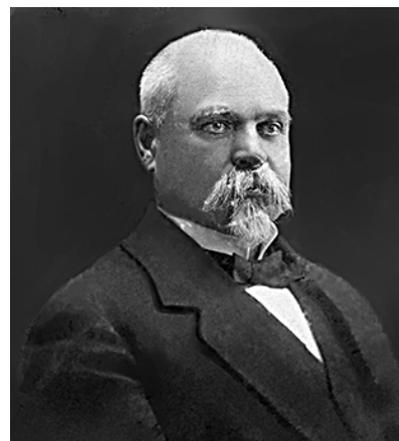


Волков Евгений Николаевич, управляющий Кабинетом его императорского величества в 1907–1917 гг.

*Источник: Нива. 1905. № 4. С. 79.
Опубликовано: Афанасьев П.А.
Ревизионный контроль в кабинетском хозяйстве Западной Сибири в XIX – начале XX в.
Барнаул, 2014. С. 206.*

и удовлетворяться ролью защитника тех земель, кои остаются в единственном владении Кабинета»¹⁰. С 1907 по 1910 г. в колонизационный фонд было передано чуть более 3 млн дес. Между тем, еще в 1908 г. была высказана мысль об ограниченности колонизационных возможностей Алтайского округа именно этим объемом¹¹. Поэтому в борьбе за отмену указа 1906 г. В.П. Михайлов мог уверенно утверждать об исчерпании земельного фонда, пригодного для колонизационных целей¹². Несмотря на настойчивость начальника округа, попытка добиться отмены действия указа 19 сентября 1906 г. осталась безуспешной¹³.

Противодействие массовому образованию переселенческих участков администрация Алтайского округа перенесла на низовой уровень. С 1910 г. ее усилия были направлены на прекращение свободного, «беспорядочного» и неконтролируемого выбора переселенческой организацией земель под колонизацию. В августе Кабинет поставил задачу заблаговременной защиты своих интересов на этапе предвари-



*Михайлов Василий Прокопьевич, начальник Алтайского округа в 1910–1916 гг. Фото 1910-х гг.
Источник: АГКМ. ОФ 561 Ф-290.
Опубликовано: Бабарыкин Б.В.,
Пережогин А.А. Справочник личного состава чиновничества Алтая (1747–1917). Барнаул, 2017. Ил. 45.*

и удовлетворяться ролью защитника тех земель, кои остаются в единственном владении Кабинета»¹⁰. С 1907 по 1910 г. в колонизационный фонд было передано чуть более 3 млн дес. Между тем, еще в 1908 г. была высказана мысль об ограниченности колонизационных возможностей Алтайского округа именно этим объемом¹¹. Поэтому в борьбе за отмену указа 1906 г. В.П. Михайлов мог уверенно утверждать об исчерпании земельного фонда, пригодного для колонизационных целей¹². Несмотря на настойчивость начальника округа, попытка добиться отмены действия указа 19 сентября 1906 г. осталась безуспешной¹³.

⁷ Новый курс Кабинета // Алтайская газета. 1910. 24 июня; Отклики сибирской печати (о новом курсе Кабинета) // Сибирская жизнь. 1910. 7 июля.

⁸ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4149. Л. 18 об., 19 об.–20.

⁹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3098. Л. 26.

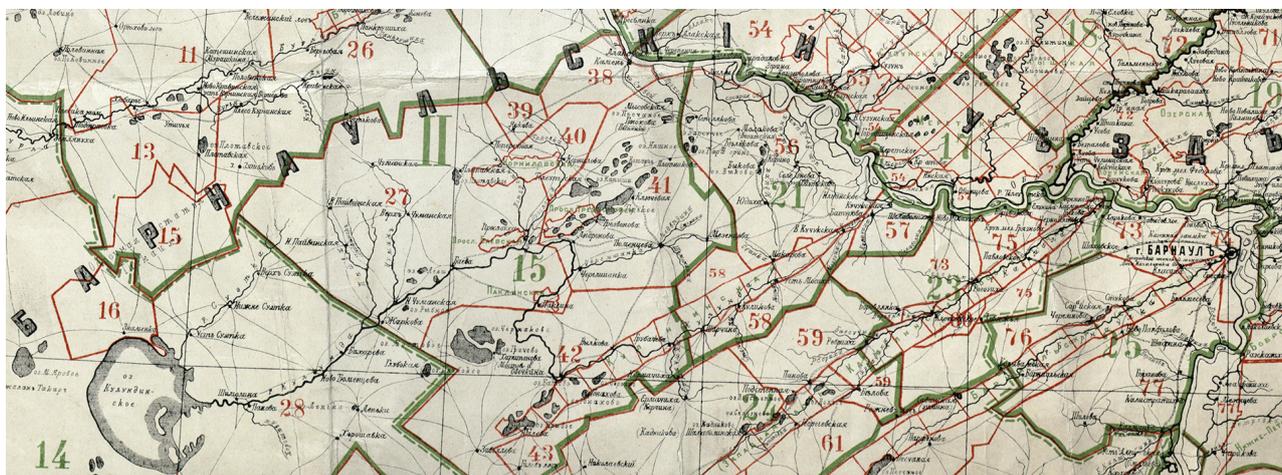
¹⁰ Там же. Л. 22 об, 34 об.

¹¹ Успенский А.В. Действительность, а не мечты // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 15.

¹² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3098. Л. 23–23 об.

¹³ Афанасьев П.А., Пожарская К.А. Формирование колонизационного фонда Алтайского округа как фактор изменения земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в регионе // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века. Барнаул, 2009. С. 81–83.

тельного согласования передаваемых участков¹⁴. Защита хозяйственных интересов округа при образовании участков возлагалась на командируемых для этой цели представителей округа – лесничих. В апреле 1911 г. для них была издана инструкция, перечислявшая категории земель, не подлежащие передаче в колонизационный фонд. Результатом всех мер, принятых в 1910–1911 гг., стало резкое снижение передачи кабинетских земель округа переселенческому управлению (в 1911 г. этот показатель сократился на 72 % по сравнению с 1909–1910 гг.)¹⁵.



Фрагмент карты Алтайского округа с частью территории Барнаульского уезда в районе Барнаульского, Касмалинского и Кулундинского боров. 1911 г. Зелеными границами и цифрами отмечены лесничества Алтайского округа. Красными линиями обозначены границы лесных дач.

Источник: ГАОУ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.

Ограничение предоставления земель округа под переселения снимало проблему, важную только для Кабинета и его местных администраторов. Но это не решало вопроса, лишь косвенно касавшегося Кабинета, – взаимоотношений старожилов и переселенцев, селившихся в старожильческие селения. С одной стороны, эти отношения зависели только от самих крестьян и различных факторов, делавших адаптацию переселенцев более или менее спокойной и бесконфликтной. Однако в условиях Алтайского округа эти взаимоотношения также испытывали определенное воздействие земельной политики Кабинета, оказавшись связанными с проходившим в округе землеустройством. С 1909 г. оно перешло в густонаселенные районы Барнаульского уезда.

По закону землеустройству подлежало все население, официально причисленное к устриваемому селу. Все проживавшее в нем население заносилось в семь списков в зависимости от постоянства проживания в селе, наличия приемного приговора, ведения земледельческого хозяйства и прочих критериев¹⁶. Переселенцы, как правило, попадали в список № 4 («постоянно проживающие в селении без причисления, ведущие самостоятельное хозяйство и изъявившие желание получить земельный надел» или получившие приемный приговор к началу землеустройства в волости) или в список № 6 (получившие приемный приговор уже после начала землеустройства в волости, не ведущие постоянного хозяйства и не имевшие права на надел). Для уже принятых официально переселенцев формально проблем с правом на землеустройство не возникало. Крестьяне из списка № 6 являлись той частью общества, которая была изъята из землеустройства и формировала контингент арендаторов кабинетских оброчных статей, пополняя круг тех переселенцев-арендаторов, которые с самого приезда арендовали землю у Кабинета, лишаясь в силу этого права на надел. Точкой

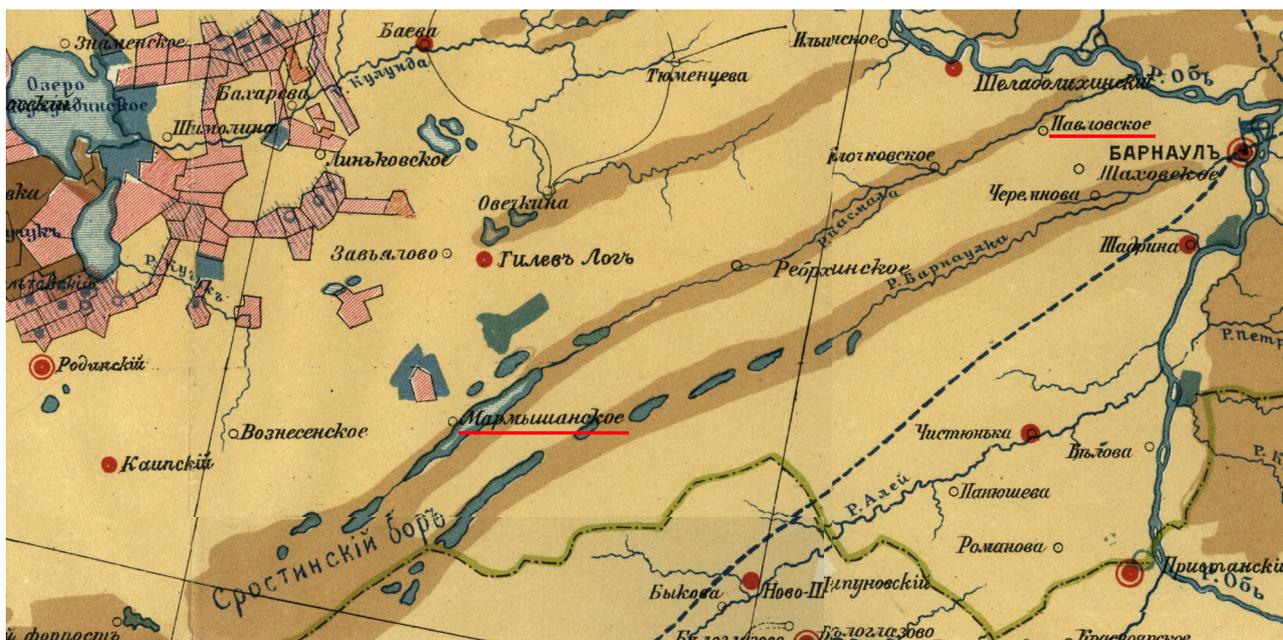
¹⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3044. Л. 231–231 об.

¹⁵ Афанасьев П.А., Пожарская К.А. Формирование колонизационного фонда Алтайского округа как фактор изменения земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в регионе // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века. Барнаул, 2009. С. 86.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи, собрание 3-е (ПСЗРИ-3). Т. 19. Отд. 1. № 16991. С. 557; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 804. Л. 49–55 об., 60–66.

конфликтности становились непричисленные переселенцы, шансы на принятие которых в старожильческих селениях с началом землеустройства становились минимальными. Преимущественно они попадали в список № 4. С началом землеустройства в плотно населенных местностях Алтая старожилы, защищая существующие размеры своих наделов, неизбежно оказывались в противостоянии с непричисленными переселенцами, претендовавшими на часть отграниченных земель.

Тесное переплетение проблемы размеров земельных наделов села и отношений с непричисленными переселенцами показывает один из наиболее известных конфликтов в ходе алтайского землеустройства, происходивший в селе Мормыши. Разгоревшийся с полной силой в 1912–1913 гг., конфликт был связан с требованием населения прирезать отнятую при землеустройстве оброчную статью «Маяки», которой жители пользовались более полувека. Обращение к самым истокам конфликта приоткрывает важное обстоятельство, которое поначалу двигало жителями села, но в 1912 г. полностью исчезло из их риторики, сосредоточенной только на борьбе за возврат отрезка. В ходе начавшегося землеустройства села 30 мая 1910 г. был вынесен приговор сельского схода, отметивший типичные проблемы всех сел, располагавшихся вдоль Барнаульского бора, – отрезки и малоземелье. Однако возникшее в результате межевания села малоземелье вызывало опасение жителей из-за того, что в селе имелись непричисленные переселенцы, водворившиеся самовольно. Их наделение предполагалось уже после отграничения земли селу, что грозило уменьшением наделов, поскольку «земли недостаточно даже и на причисленных крестьян»¹⁷. Именно этими опасениями мотивировалась просьба о прирезке «Маяков».



Селения Мормышанское и Павловское (названия подчеркнуты красным) на вырезке из переселенческой карты Томской губернии конца 1911 или начала 1912 г. Синим показаны казенно-оброчные статьи, розовым – переселенческие участки, образованные до 1911 года.

Результат землеустройства не удовлетворил жителей по двум причинам. В числе наделенных землей оказались «256 лиц, которые в составе общества не числились». Поэтому в январе 1912 г. крестьяне попросили выделить их из своего состава, чтобы сохранить свои наделы¹⁸. На основе этого заявления начальник Томского губернского жандармского управления предупреждал в это же время губернатора, что весной возможна «крупная междоусобица между коренными обывателями селения Мормыши и неприписанными к нему пришельцами, тоже наделенными землей»¹⁹. Однако весной 1912 г. требование о выделении из состава общества ранее непричисленных больше не фигурировало в документах

¹⁷ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 804. Л. 113.

¹⁸ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 77. Д. 417. Л. 29.

¹⁹ Там же. Л. 29 об.

«мормышанского дела». Очевидно, крестьяне сообразили, что, требуя отказа от наделения землей переселенцев, они увеличивают размер своих наделов, тем самым делая бессмысленной свою вторую просьбу о прирезке «Маяков» для увеличения своего земельного фонда. Эта просьба была актуальна лишь при большей численности официально приписанного населения. Поэтому уже весной 1912 г. прошения мормышанцев полностью сосредоточились только на прирезке отнятой оброчной статьи. Таким образом, конфликт относительно наделения землей переселенцев был побежден здравым смыслом в борьбе за возможность получить больший размер надела.

Пример мормышанцев, переборовших возникшую проблему взаимоотношений «старожилы – непричисленные переселенцы», видимо, мог быть реализован только при наличии более важной задачи – прирезки земли, требовавшей сплочения всех жителей, а также относительной немногочисленности неприписанного населения. Так, в ходе поездки губернатора П.К. Грана в мае 1912 г. по наиболее беспокойным селам во всех поданных ему прошениях фигурировала просьба о прирезке земли, и только жители села Подстепновского как альтернативу дополнительному наделу попросили выселить из общества вновь приписанных крестьян (по всей видимости, из списка № 4)²⁰. Поэтому, вероятно, что в практике землеустройства распространение получал иная модель, когда противоречия старожилов и переселенцев относительно земельного пользования становились решающими. Одним из ярких примеров может быть резонансное и одно из крупных выступлений крестьян, произошедшее в селе Павловском 31 мая 1911 г.

Жители 10-тысячного села оказались не удовлетворены результатом землеустройства, по итогам которого сократился душевой надел для старожилов, у села был изъят выпас для скота, а преобладавшему (до 7 тыс. чел) неприписанному населению, состоявшему преимущественно из переселенцев из Европейской России, было «категорически отказано в наделе земли». Особое недовольство населения вызвал факт наличия вокруг села достаточного количества земли для наделения жителей по полной норме надела, однако Кабинет предпочел оставить эти земли за собой для их сдачи в аренду. На этом фоне жестокость в наказании объездчиком Павловского имения одного из нарушителей кабинетского землепользования вызвала волнения населения 31 мая 1911 г., вылившиеся в разгром канцелярии лесничества. Беспорядки были остановлены войсками, отправленными из Барнаула, и арестами среди крестьян²¹.

Павловское волнение как одно из самых крупных крестьянских движений в Сибири оказалось в сфере особого внимания Министерства внутренних дел, получавшего информацию от томского губернатора П.К. Грана. Для «выяснения коренных причин» волнения он 14 июня предпринял поездку в район волнения. Губернатор пришел к выводу, что причиной беспорядков были «обострившиеся отношения на почве землепользования между местными учреждениями ведомства Кабинета с одной стороны и населением с другой». При этом всю ответственность за произошедшее губернатор возлагал на непричисленных «разночинцев», «разобщенных от коренных жителей села» и представляющих «мало надежный элемент со слабо развитым чувством законности и порядка». Именно они активно противодействовали чинам Кабинета, не желая «примириться с мыслью о том, что земля и лес чужие, а не собственные». Действия Кабинета и землеустроителей, напротив, характеризовались законностью и стремлением к «установлению наиболее правильных... взаимных отношений с местным населением, по возможности без ущерба для последнего». Управление округа в новой ситуации рассматривалось как защитник «небольших угодий, оставшихся от землеустройства и переселения» от «окончательного захвата их засельщиками». Поэтому П.К. Гран, считая произошедшее волнение вполне закономерным событием, в качестве главной его причины назвал «естественный антагонизм интересов Кабинета и

²⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 417. Л. 187-188.

²¹ Аграрные беспорядки // Утро России. 1911. 16 июня; Храмов А.А. Революционная борьба крестьянства Томской губернии в 1910–1916 гг. // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Вып. I. Томск, 1960. С. 166–169.

сельского населения Алтайского округа», из-за которого невозможно гарантировать нормализацию их отношений и в будущем²².

Позиция губернатора, хотя и выявила суть противоречия, но не отличалась критическим подходом к действиям кабинетского ведомства на Алтае. Недавно вступив в должность, губернатор вряд ли успел вникнуть в сложность взаимоотношений местной кабинетской администрации и населения. К тому же сформулированные выводы о причинах павловских беспорядков, скорее всего, сложились в результате общения с представителями администрации Алтайского округа. В силу очевидной солидарности с позицией Кабинета его управляющий Е.Н. Волков, ознакомленный с донесением П.К. Грана, охарактеризовал его как «в высшей степени беспристрастное и правильное объяснение причин беспорядков». Но в характеристике Е.Н. Волкова была выражена более непримиримая позиция по отношению к населению, которое «то и дело вступает на путь беззакония»: «В данное время неизбежна самая серьезная борьба с произволом населения, стремящегося внести прежний хаос в земельные отношения»²³. Это мнение провозглашало категоричную готовность ведомства к открытой конфронтации с населением, шедшую вразрез с позицией томского губернатора, не желавшего обострения отношений на подведомственной ему территории.

Выявленная чиновниками причина павловских беспорядков выражала один из характерных типов конфликтов, возникавших на Алтае в 1910-е гг. Формально связанный с результатами землеустройства, он состоял в противоборстве Кабинета и непричисленного населения, преимущественно самовольных переселенцев, селившихся не в переселенческих поселках, организуемых Переселенческим управлением, а в старожильческих селениях²⁴. Часть таких «самовольцев» (или, по терминологии делопроизводства, «разночинцев») лишалась права на надел, поскольку к моменту начала землеустройства они не получили приемных приговоров и не заявили о желании получить надел, хотя бы и вели свое хозяйство. Естественно, что главным противником для этой категории становились не односельчане-старожилы, а Кабинет, лишивший их по закону права на наделы в ходе землеустройства. Другая часть непричисленных переселенцев (заявившие о желании иметь надел или успевшие получить приемный приговор) получала право на землеустройство. Соотношение устроенных и неустроенных непричисленных переселенцев («разночинцев») на начало 1912 г. приведено в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение числа устроенных и неустроенных непричисленных переселенцев по итогам землеустройства на начало 1912 г. в пределах Алтайского округа

Уезды	Устроенное непричисленное население, д.м.п.	Неустроенное непричисленное население, д.м.п.
Томский	7376	2121
Бийский	18664	1758
Барнаульский	124048	74511
Кузнецкий*	8475	8386
Змеиногорский*	15711	15697
Горный Алтай*	1485	Нет данных
Итого	0	0

*Землеустройство к началу 1912 г. не было завершено, данные только по устроенным селениям. Источник: Российский гос. исторический архив. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 48–48 об.

²² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 14–15, 16 об.–17.

²³ Там же. Л. 34, 35.

²⁴ Там же. Л. 34 об.

П.К. Гран отчасти выявил эту проблему с неустроенными переселенцами уже в ходе знакомства с обстоятельствами павловского волнения. Губернатор вновь поднял ее в январе 1912 г., предоставляя в Министерство внутренних дел требуемые от него сведения. П.К. Гран отметил, что группы неприписанного населения «причиняют губернской и уездной администрации очень много хлопот». Поскольку речь в документе шла не о переселенцах, а о землеустройстве в целом, то губернатор высказался о необходимости землеустройства неустроенного населения, предлагая передать его осуществление Алтайскому землеустройству или местной переселенческой организации²⁵. Фактически это было равносильно поголовному землеустройству всего населения Алтая, что противоречило законодательной основе этого дела. МВД оставило это предложение без внимания.

К проблеме неустроенного населения П.К. Гран вернулся весной 1912 г. На заседании Совета министров 24 апреля 1912 г., рассматривавшего прошение села Мормыши на высочайшее имя о прирезке оброчной статьи «Маяки», было рекомендовано передать спорный участок крестьянам. Хотя формально решение на поданное мормышанцами прошение предстояло вынести императору, рекомендация Совета «склониться к более благоприятному для крестьян решению» была, очевидно, принята под влиянием опасений П.К. Грана и министра внутренних дел о возможности возникновения крестьянских волнений²⁶.

В свете таких рекомендаций Совета министров П.К. Гран, очевидно, счел удобным возобновить свои прежние предложения по наделению землей неустроенных неприписанных переселенцев и арендных поселков в Алтайском округе за счет земель и сил Кабинета и Переселенческого управления. Уже 4 мая 1912 г. он подал министру внутренних дел телеграмму, содержащую перечень мероприятий для «достижения земельного спокойствия и предупреждения аграрных беспорядков в... уездах Алтайского округа»²⁷. Министр А.А. Макаров выразил поддержку предложениям, поскольку они не только были «направлены к уничтожению тех именно поводов к недовольству, кои являлись главнейшими причинами беспорядков на почве поземельного устройства», но и оказались единственно возможными после отказа Совета министров от репрессивной политики по отношению к алтайским крестьянам²⁸.

Позиция П.К. Грана и его справедливое предсказание о возможности повторения беспорядков, подобных павловским, отчасти подкрепились в ходе поездки губернатора по наиболее беспокойным селам Алтайского округа, предпринятой в первой половине мая 1912 г. В массово поданных прошениях крестьян, выражавших недовольство землеустройством, фигурировало также требование наделения землей непричисленных переселенцев. Под влиянием этих просьб губернатор вновь настойчиво советовал приступить к реализации его предложений²⁹. В их числе среди прочего говорилось, чтобы «при проектировании наделов сельским обществам по возможности избегать принудительного отчуждения и оставления за Кабинетом участков, находившихся в продолжительном пользовании населенных переселенцев», которых насчитывалось к началу 1912 г. 93 тыс. чел.³⁰ Кроме того, губернатор отдельно обратил внимание на неустроенных крестьян-переселенцев, проживавших в селениях на арендных правах и также оставшихся без наделов, их численность только в Барнаульском уезде достигала 100 тыс. душ³¹. Всех неустроенных по землеустройству переселенцев губернатор считал желательным устроить на оброчных статьях Кабинета, переведя их в земли колонизационного фонда на основе указа 1906 г.

Но 22 мая 1912 г. Николай II в ответ на доклад министра императорского двора об утверждении просьбы села Мормыши прямо заявил, что «дальнейшие уступки земли... повели бы

²⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 49, 50.

²⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1486. Л. 3 – 4 об.

²⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 103 – 103 об.

²⁸ Там же. Л. 106 об.

²⁹ Там же. Л. 115–116.

³⁰ Там же. Л. 103 об.

³¹ Там же. Л. 115 об.

к полной ликвидации владений Кабинета на Алтае»³². В связи с этим министр императорского двора подверг критике предложения П.К. Грана, заявив, что «успокоение населения надо достигать... строгим охранением законных прав... землевладения, в том числе и Кабинета», а не новыми раздачами кабинетской земли³³. Управляющий Кабинетом Е.Н. Волков в письме П.К. Грану указал на установившееся в округе «неправильное представление» в отношении земель Кабинета, рассматриваемых как фонд «на удовлетворение надобностей местных учреждений и разных групп населения». В свете этого министру внутренних дел А.А. Макарову, ранее поддержавшему П.К. Грана, ничего не оставалось, как указать губернатору, что в его обязанность входит «принятие самых решительных мер к охранению законных прав Кабинета»³⁴.

Таким образом, попытка губернатора П.К. Грана, исходившая из стремления учесть интересы более 100 тыс. населения Алтайского округа и предотвратить на будущее возможность конфликтов в землепользовании, оказалась в противоречии с решением императора. Было ясно, что решить проблему наделения землей самовольных непричисленных переселенцев через влияние на земельную политику Кабинета в Алтайском округе П.К. Грану не удалось. Закономерность этого была очевидной, поскольку земельную политику во владениях императора Министерство двора признало вполне соответствующей «высочайшим указаниям», что делало безосновательными любые попытки чиновников сторонних ведомств по ее корректировке. Нормы землеустроительного закона оказались непреодолимым препятствием для поземельного устройства непричисленных переселенцев, оставшихся без наделов.

Не менее острые противоречия к 1912 г. сложились в землеустроенных селах во взаимоотношениях крестьян-старожилов и причисленных переселенцев. Несмотря на то, что число таких устроенных, но ранее неприписанных переселенцев более чем в полтора раза превышало тех, кто не получил надел (см. таблицу 1), это было лишь видимым внешним благополучием. Переселившись, как правило, самовольно и не имея приемного приговора, эти переселенцы, имея земледельческое хозяйство, заявляли при землеустройстве о желании получить надел. По закону они вносились в список № 4 и подлежали наделению землей наравне со старожилами. Такой порядок, как правило, вызывал крайнее неудовольствие последних, снижая размер их наделов. Подобный пример был отмечен выше при анализе истоков земельного конфликта в селе Мормышы. Но уже к началу 1912 г. такое неприятие крестьян из списка № 4, включенных в сельские общества помимо их решения, стало носить весьма распространенный характер, поскольку стали вступать в законную силу отводные записи на земельные наделы селам. Уже в январе 1912 г. губернатор сообщал в Министерство внутренних дел, что старожилы массово ходатайствовали об исключении вновь причисленных переселенцев из числа наделяемого землей населения, считая эти решения неправильными и подавая об этом «громадное число жалоб» в губернское правление³⁵.

Конфликтные ситуации с отказом в приеме в сельские общества вновь причисленных по землеустройству переселенцев, как правило, становились известными после вынесения тем или иным сельским обществом приговора об отказе наделять землей вновь причисленных по землеустройству переселенцев. Реакция «обижаемой» стороны в таких ситуациях мало известна, поскольку очень скупо отражена в делопроизводственных документах. Можно привести пример вновь причисленных в селе Сростинском Новогорьевской волости Змеиногорского уезда. После отказа в наделении землей вновь причисленные обратились в волостной суд с требованием о взыскании с сельского общества убытков, причиненных ненаделением землей. Волостной суд обязал общество уплатить «довольно значительные суммы», после чего новые члены общества были наделены землей³⁶. Однако судить о

³² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1486. Л. 81.

³³ Там же. Л. 80 об.

³⁴ Там же. Л. 45.

³⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 49.

³⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1709. Л. 25.

массовости подобных примеров судебного или иного официального порядка отстаивания законного права на надел со стороны вновь причисленных крестьян нет возможности.

Проследить всю цепочку противостояния старожилов и вновь принятых по землеустройству переселенцев можно на примере нескольких сел, отличавшихся особым упорством в непринятии старожилами данной новой группы односельчан. Это были села Барнаульского уезда: Куликовской волости (Усть-Мосиха, Шарчино, Куликовское), Клочковской волости (Клочковское, Лебяжинское, Рогозиха), село Средне-Краюшкинское одноименной волости и деревня Серебрянникова Боровской волости. Причина острого нежелания принимать вновь причисленных переселенцев, очевидно, заключалась в их значительном количестве. Так, в селе Куликовском на число старожилов около 1 тыс. душ вновь причисленных переселенцев оказалось более 1270 душ. В Лебяжинском это соотношение составило 769 душ к 505 душам. Похожая ситуация была, видимо, и в Шарчино, где причисленных по списку № 4 оказалось 600 душ³⁷. Из косвенной информации документов можно понять, что часть вновь причисленных переселенцев уже давно проживала в селах. Так, в селе Клочковском, в котором старожилы сами являлись переселенцами, прибывшими около 25 лет назад из Тамбовской губернии, новоселы, причисленные по списку № 4, проживали в селе уже 15–20 лет и несли все повинности и платежи³⁸. Но именно это село стало самым упорным и длительным по времени очагом конфликта в отказе от приема причисленных по землеустройству.

Противодействие принятию вновь причисленного населения в сельские общества продолжалось в течение всего 1912 г. В большинстве сел оно выражалось в обсуждении на сельских сходах и принятии различных решений «без участия вновь причисленных». В числе этого были также обсуждения на сходах вопросов о разделе покосов и земель³⁹. Наибольшей остротой противодействие характеризовалось в селе Клочковском. Помимо неоднократного принятия постановлений без участия вновь причисленного населения, один раз староста не сообщил крестьянскому начальнику о приговоре по разделу покосов, а в июле общество прямо постановило «не принимать в свою среду и не наделять земельными угодьями лиц, причисленных по землеустройству». Подобные решения отменялись крестьянскими начальниками как незаконные. В особо острых случаях, как в селе Клочковском, за противозаконные действия подвергали 7-дневному аресту сельского старосту. Однако такое вялотекущее сопротивление старожилов могло продолжаться сколько угодно долго. Так, например, было в волостном селе Средне-Краюшкинском. В течение всего 1912 г. крестьянский начальник лично разъяснял сельскому обществу их обязанность наделять вновь причисленное население, убеждение и административное воздействие применялось к сельским должностным лицам, в судебном порядке взыскивались убытки, понесенные вновь причисленными от ненаделения землей. Все эти меры оказывались безрезультатными, а общество «упорно и напролом... чинит стеснения своим новым членам»⁴⁰.

Убедившись в безрезультатности подобных мер, губернатор в конце 1912 г. разрешил крестьянским начальникам выявлять и наказывать виновных в порядке усиленной охраны⁴¹. В первую очередь, это предполагало арест наиболее активных возмутителей порядка от 1 до 3 месяцев с возможностью последующей высылки за пределы губернии. Только благодаря ужесточению действий со стороны властей с начала 1913 г. ситуация стала меняться. Одной из первых ужесточение почувствовала деревня Серебрянникова Боровской волости. Уже 31 декабря 1912 г. были арестованы 11 человек, названных подстрекателями к противодействию принятию вновь причисленных по землеустройству переселенцев⁴².

³⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1709. Л. 69–69 об., 71 об.

³⁸ Там же. Л. 99.

³⁹ Там же. Л. 28–31.

⁴⁰ Там же. Л. 46–47.

⁴¹ Там же. Л. 46 об.–47.

⁴² Там же. Л. 63.

В январе 1913 г. власти в лице крестьянских начальников начали действовать уже в рамках этого сценария. Со стороны губернатора перед крестьянскими начальниками была поставлена задача добиться от обществ согласия уравнивать в правах всех вновь причисленных переселенцев с обязательным закреплением этого в приговорах⁴³. Поэтому на сходах, состоявшихся в селах во второй и третьей декадах января, крестьянские начальники присутствовали лично. В отдельных селениях (Островновское Касмалинской волости), очевидно, оказалось достаточным само присутствие крестьянского начальника, в результате чего противостоящие стороны пришли к мирному соглашению. Так, в названном селе сход постановил «наделить вновь причисленных переселенцев № 4 всеми земельными угодьями и вообще считать их полноправными членами общества»⁴⁴. Но в большинстве рассматриваемых сел события развивались по конфликтному сценарию.

Первые сходы состоялись в Усть-Мосихе и Шарчино 18 и 19 января. Крестьянский начальник Щербаков, прибывший накануне, до сходов выяснил «главных подстрекателей, оказывающих вредное влияние на своих однообщественников»⁴⁵. На сходе Щербаков разъяснял незаконность действий старожилов в их отказе от причисления новоселов. Несмотря на это, после составления приговоров участники сходов отказались от их подписания, «дерзко заявляя о нежелании допустить вновь причисленных к участию в землепользовании и общественных делах»⁴⁶. Тогда Щербаков арестовал выявленных предварительно «подстрекателей», убедившись на сходах «как в их враждебном настроении к новоселам, так и в их деморализующем влиянии на старожилов». Похожим образом события развивались в селах Павловском, Рогозихе, Клочковском и Средне-Краюшкинском. Так, в Рогозихе было отмечено «брожение и недовольство землеустройством, поддерживаемое агитацией влиятельных крестьян-старожилов»⁴⁷. В каждом из этих сел после сходов было задержано по 10–11 человек, признанных зачинщиками противодействия принятию вновь причисленных переселенцев. Кроме этого, налагались штрафы на крестьян за отказ подписания приговоров. Размер штрафа составлял 3 руб. с души, а сумма с села могла составлять от 540 руб. (Павловское) до 900 руб. (Клочковское)⁴⁸.

Предпринятые жесткие меры очень быстро принесли нужный властям результат, сломив сопротивление старожилов. Первым местом, где наметился перелом, стала деревня Серебренникова. В ней власти применили, пожалуй, наиболее суровое воздействие. После месячного ареста зачинщиков сопротивления, в конце января 1913 г. их выслали в Пржевальск и Верный. Только после этого «враждебные отношения... утратили свой острый характер, и настроение этих двух групп населения стало спокойнее»⁴⁹, а «проявления вражды на почве землепользования... более не замечается»⁵⁰. В других селах оказалось достаточным только арестов «подстрекателей», после которых «обострение отношений... начинает заметно ослабевать»⁵¹. В селе Шарчино арестованные даже сами подали прошение об освобождении, пообещав прекратить упорство⁵². В итоге, в большинстве сел к середине февраля были проведены сходы, на которых общества согласились «принять в свою среду и наделить наравне». Полный объем прав отражался в формуле, принятой Средне-Краюшкинским обществом: «Допустить к землеустройству, участию в сходах и отбыванию повинностей»⁵³. После этого, 21 февраля, в честь юбилея правления династии Романовых, арестованные

⁴³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1709. Л. 81.

⁴⁴ Там же. Л. 26.

⁴⁵ Там же. Л. 15 об.

⁴⁶ Там же. Л. 62 об.

⁴⁷ Там же. Л. 26 об.

⁴⁸ Там же. Л. 70, 84 об.

⁴⁹ Там же. Л. 63 об.

⁵⁰ Там же. Л. 49.

⁵¹ Там же. Л. 63 об.

⁵² Там же. Л. 16.

⁵³ Там же. Л. 65 об.

зачинщики и Усть-Мосихи, Шарчино, Рогозики и Средне-Краюшкинской были освобождены из-под ареста⁵⁴.

Однако два волостных села, Куликовское и Клочковское, продолжали упорствовать в причислении к обществам «списка № 4» дольше всех. В первом из сел это, скорее всего, было связано с отмеченным выше значительным числом подобных новоселов. Упорство во втором селе по мнению крестьянского начальника вытекало из того, что его старожилы – «народ тупой и безграмотный», повторявший только одну фразу: «Земли мало»⁵⁵. Объяснялось это также и страшным недоверием жителей села к начальству. Еще в 1906 г. помощник начальника округа А.В. Розанов объявил жителям, что в их селе причисления переселенцев не будет⁵⁶. На этом фоне неудивительна жесткая позиция, занятая жителями села после землеустройства к вновь причисленным.

Старожилы этих двух сел, отстаивая свою позицию, попытались также использовать правовую опору. Для этого они вышли на петербургского адвоката Леонтьева, отправив к нему в начале февраля своих уполномоченных. За помощь в отстаивании земельных интересов старожилы были готовы даже уплатить Леонтьеву 1000 рублей⁵⁷. Однако адвокат, вероятно, сразу понял незаконность требований старожилов, и всячески старался увильнуть от помощи, пообещав в конце концов только помощь в составлении прошения на высочайшее имя о прирезке земли⁵⁸. Поэтому 1 марта доверенные вернулись из Санкт-Петербурга «без результатов и с потерей надежды»⁵⁹.

На фоне единства поведения старожилов, позиция вновь причисленных в этих селах оказалась прямо противоположной. В селе Куликовском накал противостояния отличался враждебностью обеих сторон. Вновь причисленные заявили, что «намерены весной текущего года самовольно пахать землю где попало, не щадя наделы старожилов, чем вызовут возмущение последних»⁶⁰. В Клочковском вновь причисленные наоборот чувствовали себя очень неуверенно. Вражда между ними лишь росла, вновь причисленные боялись ходить на сход, и в отличие от своих куликовских «собратьев» самовольно захватывать землю не намеревались, «чтобы не вызвать еще большего озлобления старожилов»⁶¹.

После неудачи с обращением к адвокату, жители двух сел решили «прекратить упорство». На сходах стороны пришли к согласию, приняв решения о разделе земли. Губернатор телеграммой 16 марта с удовлетворением сообщил в Министерство внутренних дел, что «население подчинилось требованиям закона и местной власти»⁶². В условиях жесткого давления и опасения новых арестов все сельские общества по донесениям крестьянских начальников «беспрекословно принимают вновь причисленных и составили приговоры о наделении их впредь до внутринадельного размежевания землей»⁶³.

Таким образом, сочетание ужесточившейся земельной политики Кабинета с землеустройством в населенных уездах сформировало к 1910 г. сложный клубок противоречий. Его главными участниками являлись Кабинет как главный распорядитель земельного фонда, крестьяне-старожилы как основной адресат землеустроительной реформы и переселенцы как дополнительные претенденты на земли Кабинета (официальные переселенцы) или как нагрузка на устраиваемые земли старожилов (самовольные переселенцы, селившиеся в старожильческих селениях). Рассмотренные примеры противоречий позволяют выделить несколько типов конфликтов, возникавших между перечисленными участниками в сфере поземельных отношений. Первый тип характеризовался административными противоре-

⁵⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1709. Л. 194 об.

⁵⁵ Там же. Л. 99.

⁵⁶ Там же. Л. 142 об.

⁵⁷ Там же. Л. 71.

⁵⁸ Там же. Л. 142–143.

⁵⁹ Там же. Л. 138.

⁶⁰ Там же. Л. 69.

⁶¹ Там же. Л. 52.

⁶² Там же. Л. 172.

⁶³ Там же. Л. 236.

чиями между Кабинетом и иными ведомствами, в первую очередь, Переселенческим управлением, по вопросу предоставления кабинетских земель. Административными мерами 1910–1911 гг. Кабинет сумел существенно сократить возможности для притязаний Переселенческого управления на свой фонд земель. После решения межведомственных административных противоречий в поземельных отношениях основное противостояние переходило на уровень взаимоотношений с населением.

Определяющим здесь являлся следующий тип конфликта, выражавшийся в борьбе указанных выше сторон за землю. Формально он не выходил за рамки процесса землеустройства. Поэтому его главным проявлением были споры старожильского населения с Кабинетом и его представителями за размер надела, величину и качество отрезков. Сюда же относилась борьба непричисленных переселенцев за возможность получить надел в старожильческих селениях, что также предусматривалось землеустроительным законодательством. Отграничивая наделы селениям, Кабинет после этого формально уже не влиял на поземельные отношения, переставая быть активным участником конфликтов в этой сфере.

Третий тип конфликтов, в отличие от первых двух, возникал уже на почве землепользования в рамках одного сельского общества, включая противостояние разных групп населения. В определенной степени он также был порождением результатов землеустройства. В условиях Алтайского округа одним из острых его проявлений стало нежелание старожилов предоставлять наделы бывшим непричисленным переселенцам по результатам землеустройства.

Наиболее активными участниками конфликтов в поземельных отношениях на Алтае выступали представители Кабинета и старожилы. Это вполне ожидаемо, поскольку третья сторона, непричисленные самовольные переселенцы, законными правами не обладали и все свои надежды связывали только с землеустройством. После его завершения законные права бывших переселенцев в рассмотренных конфликтных ситуациях отстаивали губернские власти. Именно им теперь предстояло гасить противоречия между старожилами и бывшими непричисленными переселенцами, делая это преимущественно по собственной инициативе. Хотя к 1913 г. внешние проявления конфликтов в поземельных отношениях в Алтайском округе были сглажены, но их основа – жесткая земельная политика Кабинета и нормы землеустроительного закона для Алтая – осталась неизменной. Поэтому внешнее умиротворение в поземельных отношениях в Алтайском округе в год юбилея правящей династии создавало лишь видимость благополучия, делая неизбежными новые конфликты в острых ситуациях, затрагивающих поземельные права всех выделенных участников.

Литература

Афанасьев П.А., Пожарская К.А. Формирование колонизационного фонда Алтайского округа как фактор изменения земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в регионе // *Экономическая история Сибири XX – начала XXI века.* Барнаул, 2009. С. 79–86.

Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири. 1907–1914 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1986.

Храмков А.А. Обсуждение в правительстве царской России землеустроительной политики в Алтайском округе в 1911–1913 гг. // *Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма.* Барнаул, 1984. С. 157–180.

Храмков А.А. Революционная борьба крестьянства Томской губернии в 1910–1916 гг. // *Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке.* Вып. I. Томск, 1960. С. 163–189.

Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2012. 260 с.

References

Afanasev, P.A., Pozharskaya, K.A. (2009). Formirovanie kolonizatsionnogo fonda Altaiskogo okruga kak faktor izmeneniya zemel'noi politiki Kabinetа Ego Imperatorskogo Velichestva v regione [The formation of the colonization fund of the Altai district as a factor in changing the land policy of the Cabinet of His Imperial Majesty in the region]. In *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX – nachala XXI veka* [Economic history of Siberia of the 20th – beginning of 21th century]. Barnaul, pp. 79–86.

Goryushkin, L.M., Nozdrin, G.A., Sagajdachnyy, A.N. (1986). *Krestyanskoe dvizhenie v Sibiri. 1907–1914 gg. Khronika i istoriografiya* [Peasant movement in Siberia. 1907–1914. Chronicle and historiography]. Novosibirsk. 315 p.

Khramkov, A.A. (1960). Revolyutsionnaya borba krestyanstva Tomskoi gubernii v 1910–1916 gg. [The revolutionary struggle of the peasantry of the Tomsk province in 1910–1916]. In *Revolyutsionnoe dvizhenie v Sibiri i na Dalnem Vostoke* [Revolutionary movement in Siberia and the far East]. Tomsk, Vol. I, pp. 163–189.

Khramkov, A.A. (1984). Obsuzhdenie v pravitel'stve tsarskoi Rossii zemleustroitelnoi politiki v Altaiskom okruge v 1911–1913 gg. [Discussion of land management policy in the Altai District in the government of tsarist Russia in 1911–1913]. In *Voprosy socialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri v period kapitalizma* [Questions of social and economic development of Siberia in the period of capitalism]. Barnaul, pp. 157–180.

Soboleva, T.N. (Ed.). (2012). *Ekspluatatsiya prirodnykh resursov Altaya imperatorskim Kabinetom kak faktor razvitiya rossiiskoi monarkhii (XVIII – nachalo XX v.)* [Exploitation of natural resources of Altai by the Emperor Cabinet as a factor of development of the Russian monarchy (18th – beginning of 20th century)]. Barnaul, 260 p.

Статья поступила в редакцию 24.11.2019 г.